

Превечное рождение Иисуса Христа, Сына Божия. Иоан.1.1-18.

Четвертое Евангелие всегда считалось одной из величайших книг, которые когда-либо были написаны. Оно оказало большое влияние на христианскую церковь и без преувеличения, на всё человечество. Этому Евангелию посвящено огромное количество литературы. В целом эта книга – об Иисусе из Назарета. Его имя повторяется в ней 237 раз – намного больше, чем в любой другой книге Нового Завета (например, в Евангелии от Матфея – 150 упоминаний). Особое место в самом Евангелии от Иоанна занимает Пролог, то есть первые 18 стихов первой главы, где Иоанн Богослов четыре раза именуется Христа «Логосом» («Словом», и, затем, ни разу во всем Евангелии не повторяет этого наименования). Возникает вопрос, почему в дальнейшем автор избегает этого термина? В принципе, даже еще более важный вопрос в том, что хотел сказать Иоанн Богослов своим читателям, называя Иисуса из Назарета «Логосом» («Словом»)? Почему он употребил ко Христу именно это наименование? Откуда он взял вообще термин «Логос»?

Теории относительно происхождения термина «Логос» и употребления его у Иоанна Богослова, в основном, сводятся к трем мнениям. Первое мнение состоит в том, что согласно ему, Иоанн Богослов получает Откровение от Бога и, таким, сверхъестественным образом, употребил этот термин. В случае принятия этой точки зрения, никаких научных исследований не требуется. Иоанн Богослов, подобно пророкам, восприняв глас Бога, для лучшего и правильного восприятия Иисуса Христа и употребил термин «Логос».

Другое мнение заключается в знании Иоанном Богословом истории термина «Логос» в греческой литературе и философии. Обладая античными познаниями, Иоанн Богослов, мог именно из них почерпнуть это наименование и отнести его к Иисусу Христу. История употребления понятия «Логос» ко времени написания четвертого Евангелия была уже довольно обширной и продолжительной по времени.

Понятие о Логосе имеет многовековую историю не только в греческой философии, но в самом греческом языке. Слово «Логос» (Λόγος) происходит от «λέγειν» (говорить) и означает собственно «слово», «речь», как по форме, так и по содержанию. «Логос» также обозначал и саму мысль, выраженную в речи. Древних греческих писателей-прозаиков иногда называли «логографами» («логос» и «графо» - пишу). «Логос» уже употреблялся знаменитым Гомером (VII век до Р.Х.) в значении «слова» или «речи». Гераклит из Ефеса по прозвищу «Темный» (540-480 гг. до Р.Х.), философ и поэт известен нам, в основном, по высказыванию о том, что всё течет, всё меняется: в одну реку нельзя войти дважды, потому что одна вода уже утекла, и река уже стала другой. Он оставляет нам также размышление о «Логосе». Согласно Гераклиту в мире не возникает хаос, потому что все контролируется Логосом, словом, разумом Божиим, с помощью которого и

человек узнает, что хорошо, и что плохо. Эта мысль философа нравилась впоследствии стоикам (III век до Р.Х.): порядок всегда предполагает разум, все направляет именно логос Божий. Логос представляется той силой, которая вносит в мир смысл и порядок вместо хаоса. Логос, утверждали стоики, пронизывает абсолютно всё.

Философ из Александрии, иудей по происхождению Филон (25 до Р.Х. – 50 по Р.Х.), изучал как Библию (Ветхий Завет), так и греческую философию. Он пришел к мысли, что Бог посредством Логоса сотворил мир. Логос – это мысль Божия (но не личность), запечатленная во вселенной, а также в человеке. Логос – это посредник между Богом и людьми.

По мнению ученых, считающих, что Иоанн Богослов всё таки знал греческие философские размышления о Логосе, использованием термина «Логос» Евангелист говорит грекам о том, что вы, долго размышляли о Логосе, в какой то степени сверяли жизнь с Ним, - и вот, Иисус из Назарета и есть этот самый Логос, сошедший на землю (Логос (Слово) стал плотью, Ин.1.14). К концу I века, времени написания Евангелия от Иоанна, Христианство столкнулось с греческой культурой. Необходимо было по новому решать многие вопросы, в том числе и главный вопрос – о личности Иисуса Христа. Иоанн Богослов для решения этого вопроса и употребляет термин «Логос».

Однако Иоанн Богослов, в первую очередь был иудеем – не только по национальности, но и по культуре, прекрасно знал библейское мировоззрение, жил по естественным для него иудейским религиозным законам. Для иудеев «слово» само по себе не было простым звуком. Оно существовало само по себе, жило некой своей жизнью, выполняя некие задания, конечно, в случае выходы из своего источника. Благословение или проклятие, непременно высказанные, обязательно будут исполнены в действительности. Поэтому иудеи, как и многие другие ближневосточные народы, зачастую, были скупы на слова. Словарный запас иудея составлял лишь 10 000 слов, тогда как грека – 200 000. Меньшее употребление слов не давало, отнюдь, бедности самих слов, наоборот, каждое слово приобретало большую емкость и качественность, потому что несло с собой исполнение того, чем само являлось в сущности. Священное Писание указывает, что именно через слово происходит таинственное начало мира, творение самого мира – «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их» (Пс.32.6). Словом совершаются многочисленные деяния: «послал (Господь) слово Свое и исцелил их». (Пс.106.20); «так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис.55.11). Слово, точнее, слово Божие, обладает какой-то определенной самостоятельной активностью.

Когда евреи переводили ветхозаветные книги с древнееврейского языка на арамейский (эти переводы назывались таргумы), то они боялись приписывать Богу человеческие мысли (антропоморфизмы, очеловечивания). Вместо имени Бога они переводили «слово Божие». Например, выражение из

книги пророка Исаяи «навстречу Богу» (Ис.19.17) переводили «навстречу слову Божию». Термин «слово Божие» становился очень распространенным в книгах Священного Писания. Слово по еврейски в это время обозначается «мемар» (*mēmar* или с определенным артиклем *mēmra*’).

У евреев сохранялся традиционный жанр «Премудрости». Это были сборники-высказывания мудрейших людей, мудрость повседневной жизни. Таким примером может быть представлены Премудрости Соломона, Иисуса, сына Сирахова, Притчи Соломона. «Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом; Его премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росой» (Притч.3.19). Премудрость представляется здесь сотворенной прежде всего мира и изливается на всё Божие творение, являясь посредником между Богом и миром. Отождествлялась премудрость также и с Законом Моисея, то есть установлением в мире людей правил жизни верующих в Единого Бога: «Ядущие меня (премудрость) еще будут алкать, и пьющие меня еще будут жаждать. Слушающий меня не постыдится, и трудящиеся со мною не погрешат. Все это – книга завета Бога Всевышнего, закон, который заповедал Моисей как наследие сонмам Иаковлевым» (Сир.24.23-26). В этом случае, Иоанн Богослов раскрывает в своем прологе иудейское понимание Слова-премудрости Божией.

Третья группа исследователей уточняют, что источником учения Иоанна о Логосе было не просто премудрость иудеев, а Тора (Закон): «Слово Твое (Тора) — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Псал.118.105). Позже иудейское богословие называло Тору в числе того немногочисленного, что существовало прежде начала творения.

Наконец, некоторые предполагают, что еврейский источник Логоса Иоанна – это древнееврейский эквивалент выражения «слово Божие» («слово Яхве», «дебар Яхве», *dabhar*). Как и Логос, «Дебар» было чрезвычайно ёмким понятием: могло означать само слово, цельное высказывание-речь, также – саму вещь с ее содержанием, дело, событие, предмет, что подразумевает понимание как повод, причину или замысел. Таким образом «слово Божие» означало речь, высказывание Бога, обращенное к людям, т.е. Откровение Божье, но эта речь воспринималась, в соответствии с общим для всего Древнего Востока представлением, как сила и действие: словом Божьим сотворен и поддерживается мир, всякая тварь повинуется этому слову; оно — Его посланник и исполнитель Его воли (Пс. 106:20, Ис. 55:11); оно подобно огню и молоту (Иер. 5:14, 23:29); оно — жизнь людей (Втор. 8:3, 32:47), имеет воскрешающую силу (Иез. 37:4 и далее). Иоанн Богослов использует понятие «слова Божия», чтобы объяснить воплощение Слова и показать, что Иисус – Тот, кто послан Богом для исполнения Его воли.

В целом, принято считать, что описание Логоса в Прологе Иоанна гораздо ближе к библейским и иудейским идеям, чем к чисто эллинистическим, как считалось ранее, исходя из греческой философии. Действительно, под термином «Логос» евангелист Иоанн и Филон Александрийский подразумевают различные понятия. Для Филона Логос – это Разум, разлитый по вселенной. Этот Разум может быть и божественным,

но может быть и человеческим, отчего и выступает посредником между Богом и людьми. Филон просто продолжает неоплатоническую концепцию Логоса, которая все же совершенно чужда евангелисту Иоанну. Евангельское применение термина Логос утверждает, что Логос-Иисус находился в личных отношениях с Отцом до воплощения: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин.17.5).

Логос у Иоанна Богослова существует прежде самого творению Божия. Более того, этот Логос был с Богом, но в чем-то отличается от Бога, сохраняя определенную близость с Богом («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», Ин.1.1).

Выражение «Слово было Богом» утверждает божественность Христа. Из дальнейших слов мы должны понимать, что вместе с Отцом и Святым Духом, Логос – одна из трех вечных и равных Лиц Божества. Иоанн описывает действительность Логоса. Логос выступает как действующее Лицо – все начало свое бытие через Логос: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин.1.3). Логос выступает как источник жизни – свет для всех людей.

Однако Логос еще и воплощается: «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин.1.14), что резко отличает Логос Иоанна от неоплатонических рассуждений. Здесь используется Иоанном глагол «егенето» (εγένετο, стало сделалось), который обычно до этого места в Прологе относился только к тварным созданиям. То есть Логос обозначается Богом, но здесь – воплотился. Более того, Логос не просто стал человеком, а стал плотью (σάρξ, «саркс»), что только подчеркивает принятие Логосом материи.